

скающеся въ толпу и снова воспаряющіе и снова бьющеся съ изломанными крыльями. Къ такимъ Толстой причисляетъ себя. «Заживутъ крылья—воспарю высоко!».

Во всѣхъ вышеприведенныхъ утвержденияхъ относительно цѣлей человѣческаго «я» Толстой признавалъ истину универсальной, не человѣкомъ, а въ человѣкѣ рождаемой, какъ истину міра вообще. И ставилъ на видъ, что въ служеніи истинѣ — вся бодрость и вся радость человѣка, что это цѣли и универсальная и личная для человѣка, цѣли его души, и что въ служеніи имъ не можетъ быть сомнѣнія относительно того, что это именно мнѣ, человѣку, нужно и что я весь долженъ быть устремленъ къ истинному воплощенію и росту своего божественнаго «я».

Но, какъ это часто случается, въ религію эмоціональную врывается элементъ разсудочности; вѣрующій начинаетъ разсуждать и незамѣтно для самого себя стираетъ сіяющую пыльцу религіозныхъ чувствъ, внугреннюю поэзію личнаго душевнаго устремленія, сліянія съ истиной и чувства ея какъ самого себя. Въ итогѣ разсужденій Толстой приходитъ къ выводу (въ томъ же очеркѣ «Зеленая палочка»), что цѣли эти не человѣка, что онѣ не могутъ быть понятны ему, а что дѣло человѣческое слѣпо и неуклонно исполнять это непонятное и ненужное, повинуясь невѣдомой